

УДК 303.8

Журбей Е.В.

«Мозговые центры» и внешняя политика Китайской народной республики: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy of the People's Republic of China: Background

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе современного Китая. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Китая и их зарубежных аналогов. В статье подробно рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую китайским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия.*

The article is devoted to the history of the Institute of «think tanks» and their role in the foreign policy process in contemporary China. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of «think tanks» centers of China and their foreign counterparts. The organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Chinese leadership's foreign policy are discussed in the article in detail.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

Для того чтобы получить более чёткое представление о разнообразии китайских «мозговых центров», некоторые исследователи попытались их классифицировать. Китайский исследователь Ли Хуанли выделяет три категории таких центров: государственные аналитические центры, специализированные академические исследовательские институты и аналитические центры, связанные с университетами. Первая категория «мозговых центров» теснейшим образом связана с Государственным советом и различными ведомствами и министерствами правительства. Некоторые из «мозговых центров» этой категории являются наиболее известными и авторитетными в этой области, такие как CIPS и CICIR. Эти структуры подчинены и финансируются правительством Китая, а их исследователи являются гражданскими служащими среднего звена, но без обладания рычагов административной власти. Главная миссия подобных «мозговых центров» заключается в предоставлении эксперт-

Окончание. Начало см в № 2, 2011 г.

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@rambler.ru

ных оценок руководству страны, партии, принимающих решения. Эти «мозговые центры» отличаются от американских или европейских тем, что они не являются частными организациями, но и постепенно отходят от классического китайского канона, где советники одновременно были правительственными сановниками. По словам Ли Хуанли государственные «мозговые центры» имеют значительные привилегии над своими коллегами в других категориях.

Вторая категория состоит из специализированных академических исследовательских институтов, главным образом многочисленных институтов в сфере международных отношений аффилированных с Китайской академией социальных наук (CASS). Академия фактически находится под прямым управлением Госсовета, а её институты не полностью сосредоточены на политических или внешнеполитических исследованиях, как таковых. В отличие от первой категории китайских «мозговых центров», результаты исследовательской деятельности академических институтов лишь изредка привлекаются для реализации в текущей правительственной деятельности, практике. Из-за своего академического статуса эти институты оказывают меньшее влияние на власть, чем их «коллеги» из первой категории. Исследования, проводимые академическими институтами, носят в большей степени теоретический и долгосрочный характер, что не позволяет их использовать в оперативной деятельности политиками-практиками. С точки зрения доступа к информации, академические институты находятся несколько в стороне от государственных каналов, по которым идет, в том числе, секретная и чувствительная информация, что снижает их исследовательский потенциал. Несмотря на то, что центры этого типа извлекают выгоду из регулярного доступа на высоком уровне к китайскими политикам через официальные бюрократические каналы, исследователи признают низкий уровень реального взаимодействия китайских академических институтов с правительственными и партийными структурами. Вместе с тем, по мнению Ли Хуанли, благодаря развитию регулярного процесса консультаций по вопросам внешней политики в 90-е гг. – начале XXI в. академические институты в сфере международных отношений постепенно увеличивают своё влияние, в частности потому, что они смогли установить контакты с зарубежными научно-исследовательскими организациями по всему миру, что положительным образом сказалось на результатах их исследований. Именно академические институты в последнее время служат своеобразным мостом между китайским правительством и дипломатическими миссиями зарубежных государств в Пекине.

Третья категория «мозговых центров» включает в себя центры аффилированные с китайскими университетами, которые по сей день остаются наименее влиятельными в связи с «географическим» удалением от центров принятия решений, а также в силу излишней академичности результатов исследований. Вместе с тем недооценивать роль данных центров нельзя по той причине, что университеты располагают наиболее разветвленной сетью контактов с зарубежными университетами и исследовательскими центрами, в которых проходят обучения китайские студенты на основе обменных программ или стажировок. Аналогичные возможности стажировок или получения научных степеней получили и преподаватели китайских университетов. Наличие этих и иных каналов сотрудничества со своими зарубежными партнерами повысили влияние представителей данной категории «мозговых центров» на политические решения, принимаемые властью. Возрастающая сложность международных проблем вынуждает китайское руководство искать дополнительные знания и опыт более широкого круга специалистов, в том числе иностранных специалистов. Некоторые из центров данной категории нашли

определенную нишу, в которой их опыт признается, в том числе на высоком правительственном уровне, что позволяет «мозговым центрам» этого типа извлекать в свою очередь выгоду из привилегированного доступа к лицам, принимающим решения.

Иную типологию китайских «мозговых центров» предлагают Чжу Хуфенг и Сюэ Лань [20, p. 454]. Они выделяют «полуофициальные» (негосударственные) общественные институты и «гражданские» (частные) аналитические центры, т.е. научно-исследовательские институты, связанные с компаниями, университетами и некоммерческими фондами. Они не являются полностью независимыми от правительства, но имеют большую автономию в управлении, чем официальные научно-исследовательские институты. Их руководители назначаются правительством, и они финансируются за счет государственных средств и в этой связи предоставляют аналитику государственным органам власти. Они пользуются большей свободой, поскольку имеют право принимать денежные средства от иностранных государственных учреждений или международных организаций. Эти «мозговые центры» появились в конце 1970-х гг. В качестве примера можно привести Китайский центр информационного развития промышленности (China Centre for Information Industry Development, CCID) и Институт развития Китая (China Development Institute, CDI). Деятельность обоих центров направлена на обеспечение научными исследованиями и политическими консультациями органов государственной и партийной власти Китая. Институт развития Китая получил одобрение на своё создание со стороны Госсовета КНР и занимается преимущественно экономическими исследованиями для всех уровней власти, а также коммерческих компаний. Он имеет тесные контакты с ЦК КПК через членов своего совета. Из-за своих тесных связей с государственными и партийными структурами данный «мозговой центр» представляет собой гибрид из двух категорий, а именно «полуофициальных» («негосударственных») исследовательских институтов и «гражданских» (частных) «мозговых центров» [20, p. 456].

Вторая категория состоит из гражданских (частных) центров. Они получают финансирование из различных источников, но преимущественно из частных источников (китайские компании, иностранные фонды и т.д.). Эти «мозговые центры» часто весьма скромны в своих размерах, но в состоянии привлекать известных исследователей, в том числе и зарубежных. Гражданские центры все чаще и чаще подвергают критике экономическую политику правительства. В этой связи точкой приложения исследовательских программ подобных центров являются экономика или реже экология, но, практически никогда – международные отношения. Такие центры создаются по инициативе ученых экономистов, предпринимателей и общественных деятелей и финансируются исключительно на негосударственные деньги. Они рассчитывают, прежде всего, на частные пожертвования и специальные субвенции в рамках реализуемых национальных проектов или программ подготовки кадров. Они регулярно проводят семинары, ежегодные конференции, и получают доходы от издательской деятельности. К числу частных «мозговых центров» можно отнести созданные в 1993 г. некоммерческий институт экономики (Unirule Institute of Economics) и в 1994 г. некоммерческая экологическая организация «Друзья природы» (Friends of the Nature). «Друзья природы» – старейшая экологическая НКО в Китае, сделавшая ставку на повышение экологического сознания среди широкой китайской общественности. Подобные частные аналитические центры долгое время оставались «маргинальными» с точки зрения возможности влияния на власть и воздействие на общественное мнение. В сфере же международных отношений практически невозможно обнаружить реально

независимый, частный «мозговой центр». Одним из таких исключений является «маленький» и независимый «мозговой центр Китая» (China Think Tank) созданный в 2006 г. Это один из трех или четырех исследовательских центров в области международных отношений в Китае с минимальным контролем со стороны правительства, но с весьма значительным уровнем влияния. Данный центр объединяет порядка двухсот экспертов высокого уровня, которые проводят исследования в области безопасности, обороны и военной стратегии, так как более половины из сотрудников центра являются бывшими военными. Данный центр частично финансируется за счет государственных субсидий для реализации специальных проектов, а также за счет оплаты семинаров и тренингов со стороны коммерческих компаний. Залог независимости подобных центров заключается в способности оказывать эффективную экспертную поддержку правительственным структурам при сохранении «доброжелательно – критического» отношения последних.

При исследовании вопроса роли китайских «мозговых центров» во внешнеполитическом процессе нельзя обойти весьма специфическую роль Департамента планирования политики при МИД КНР, но при этом отметим, что руководящие принципы внешнеполитической деятельности формируются в Госсовете Китая, где функционирует два высших органа, определяющих стратегию внешней политики. Во-первых, это «Малая рабочая группа лидеров в области иностранных дел» (Foreign Affairs Work Small Leading Group) и, во-вторых, это «Малая рабочая группа лидеров в области национальной безопасности» (National Security Work Leading Small Group). Обе структуры официально курируются Ху Цзиньтао, но на самом деле координирует деятельность этих двух групп Дай Бинго, возглавляющий секретариат обоих органов. В КНР отсутствует совет национальной безопасности и отсутствует концепция национальной безопасности. Внепартийные органы по сложившейся практике имеют меньше власти, чем партийные структуры, и поэтому всеми экспертами признается то, что Министерство иностранных дел КНР не определяет внешнеполитическую стратегию страны, а занимается преимущественно тактическими вопросами. Четыре последних министра иностранных дел являлись карьерными дипломатами, но при этом весьма жестко придерживались партийной линии. Эксперты отмечают, что ирония ситуации заключается в том, что лица, принимающие в стране решения в области внешней политики, привлекают иные ресурсы, а не структуры МИДа, так как последнее воспринимается, как оплот консерватизма и инерции. Дай Бинго и его сотрудники привлекают консультантов и экспертов, в том числе из числа сотрудников китайских «мозговых центров». Вместе с тем «малые рабочие группы» в Госсовете не предусматривают работы на постоянной основе и процедура привлечения экспертов из «мозговых центров» строится на разовой основе и чаще всего это происходит в чрезвычайных ситуациях.

Существующий дисбаланс в системе принятия внешнеполитических решений, побудил лиц, принимающих решения, повысить значимость Департамента планирования МИД (Policy Planning Department, PPD) [17]. Одной из основных особенностей сотрудников департамента является то, что появилась возможность доступа экспертного сообщества к лицам, принимающим внешнеполитические решения. За последние годы программа регулярных консультаций между должностными лицами департамента и экспертами «мозговых центров» расширена, что позволило привлечь к разработке внешней политики страны значительное количество «мозговых центров», расположенных как в Пекине, так и за его пределами, например SIIS из Шанхая.

Большая часть китайских государственных «мозговых центров»

пользуется привилегированным каналом влияния на высшее руководство через институт «личных связей». Например, Ма Женганг (Ma Zhengang) из CIIS, Жу Хонг (Zhou Hong) из CASS или Янг Чжимин (Yang Jiemian) из SIIIS были приглашены на регулярной основе консультировать государственного советника Дай Бинго, курирующего внешнюю политику в Госсовете КНР. Кроме прямого личного влияния посредством системы «личных связей» в высших эшелонах власти, на внешнеполитический процесс в период напряженности и кризисных ситуаций влияет и мнение экспертов «мозговых центров». Эта тенденция особенно находит отражение в системе «экспертных оценок» (pishi), где старшие должностные лица и лидеры придают социальную значимость аналитическим отчетам поступающих из низших эшелонов власти. Так как отчеты и сопровождающие их «экспертные оценки» (pishi) распространяются среди заинтересованных министерств и ведомств, что делает их похожими на дипломатические депеши на Западе, то «хорошие», качественные экспертные оценки являются важным элементом в карьере политика и соответствующего эксперта, поскольку подобные экспертные оценки влияют на их репутацию среди коллег и должностных лиц в области политики, в том числе внешней политики.

В отличие от Соединенных Штатов в Китае нет механизма «вращающейся двери» между «мозговыми центрами» и институтами власти. В США помимо наработки новых идей для высших должностных лиц в государственных учреждениях, «мозговые центры» обеспечивают стабильный приток экспертов для работы в приходящих к власти администрациях и в аппарате Конгресса. В США каждый момент передачи власти порождает смену сотен сотрудников исполнительной власти среднего и высшего звена. «Мозговые центры» помогают президентам и министрам заполнить этот вакуум. Наряду с поставкой экспертов во вновь приходящие администрации «мозговые центры» создают уходящим должностным лицам условия для продолжения работы. Они могут делиться идеями, по крупицам собранными на государственной службе, участвовать в актуальных внешнеполитических дебатах и составлять неформальный теневой истеблишмент по международным делам. Подобная «вращающаяся дверь» – уникальное явление, присущее преимущественно США. В большинстве стран мира наблюдается строгое разделение между кадровыми государственными чиновниками и находящимися вне официальных структур аналитиками. Долгое время в Китае отсутствовала система рекрутирования сотрудников МИДа из числа сотрудников «мозговых центров». Как правило, движение было однонаправленным, т.е. из МИДа в «мозговые центры». Карьерные дипломаты по выходу на пенсию трудоустраивались в государственные или полугосударственные аналитические и исследовательские институты. Однако ситуация начинает мало помалу меняться. До классической «вращающейся двери» Китаю ещё далеко, но все большее количество экспертов «мозговых центров» привлекаются к подготовке и проведению международных мероприятий (саммитов, конференций, семинаров). Например, большая часть китайской официальной делегации в декабре 2009 г. на саммите по климату в Копенгагене была составлена из числа экспертов «мозговых центров».

Отмечается либерализация взаимоотношений между «мозговыми центрами» и СМИ Китая. Ранее важнейшая функция «мозговых центров», а именно доведение результатов исследований до широкой общественности в Китае не реализовывалась в силу чрезмерной цензуры. Сегодня же западные дипломаты отмечают прорыв в вопросе донесения позиций «мозговых центров» до китайской общественности через СМИ. В качестве примера можно привести обсуждение экспертами китайских «мозговых центров» северокорейской ядерной программы в мае 2009 г.

Так, эксперт из «мозгового центра» университета Жэньминь Ши Юнхонг инициировал дебаты по вопросу о целесообразности изменения официальной политики КНР в отношении Пхеньяна. Вопросы ядерной безопасности, нераспространения оружия массового поражения уже сегодня являются более или менее открытой темой в обсуждении экспертами на страницах китайских СМИ.

Внешнеполитические журналисты, комментаторы в СМИ в настоящее время рассматриваются в качестве третьей силы во внешнеполитическом процессе КНР после правительственных исследовательских институтов и университетов. Это стало возможным благодаря тому, что китайская общественность в настоящее время более образованна и проявляет повышенный интерес к внешней политике благодаря доступу к всемирной сети Интернет, где существуют сотни, если не тысячи форумов, блогов, на страницах которых обсуждаются наиболее горячие темы международных отношений. Политические форумы, блоги, социальные сети занимают нишу негосударственных субъектов во внешнеполитическом процессе в Китае, но эта тема уже иного исследования.

Дебаты на страницах средств массовой информации по-прежнему редки, а экспертов «мозговых центров» преимущественно привлекают для того, чтобы оказать интеллектуальную поддержку политике правительства. Осенью 2009 г. на страницах китайских газет обсуждались гипотетические перспективы китайской интервенции в Афганистан. К дебатам привлекались эксперты государственных «мозговых центров» КНР. Вместе с тем некоторые горячие темы международной политики остаются вне публичной сферы и не комментируются открыто, например, проблематика Тибета, пограничные споры с Индией или территориальные споры в Южно-Китайском море. Газеты и журналы все больше и больше восприимчивы к инновационным идеям, идущим от экспертного сообщества в сфере политики, которые затем представляются в редакционных статьях и колонках экспертов. Постепенно усиливается конкуренция среди экспертного сообщества за влияние на те или иные СМИ, за эксклюзивное предоставление «своего» экспертного мнения на страницах той или иной газеты или журнала. Уже сегодня некоторые «мозговые центры» все больше полагаются на свои контакты со СМИ, чтобы попытаться компенсировать отсутствие внимания со стороны политиков. Ужесточение конкуренции между экспертами и жажда признания, скорее является положительным моментом в развитии китайских «мозговых центров», так как ведет к росту числа экспертного сообщества в области политики, а также к поиску контактов с зарубежными «мозговыми центрами» и зарубежными СМИ. Китайские эксперты, к сожалению, до сих пор ещё не преодолели внутреннюю цензуру и по-прежнему стесняются общаться на постоянной основе с иностранными журналистами или журналистами либеральных СМИ Гонконга.

Эксперты, работающие в «мозговых центрах» при китайских университетах находятся вне механизма влияния на внешнюю политику государства, но некоторых из них в силу личных связей имеют доступ к лицам, принимающим решения. Чэнь Цзянь из Школы международных исследований университета Жэньминь и Шен Дингли из Школы американских исследований при университете Фудань консультируют первых лиц государства, а их многочисленные ученики пользуются авторитетом и репутацией своих наставников для построения карьеры профессиональных дипломатов. Сегодня пять китайских университетов (Бейда, Цинхуа, Жэньминь, Фудань и Нанкай) получили признание в мире в качестве авторитетных центров подготовки международных экспертов в сфере внешней политики, национальной безопасности Китая. Возврат к конфуцианским традициям в современном Китае при-

дает дополнительный авторитет фигуре «профессора». «Мозговые центры» в Китае в ближайшее время будут все больше заинтересованы в привлечении университетских профессоров. Авторитет университетских «мозговых центров» может в ближайшие годы превзойти авторитет и влияние академических научно-исследовательских институтов, т.е. полугосударственных политических институтов. Интеллектуальные продукты университетов менее академичны и обладают большей степенью практического применения в сравнении с «продуктами» полугосударственных «мозговых центров». Это не уникальная китайская тенденция и стоит отметить, что многие немецкие или французские аналитические центры проигрывают конкуренцию научным подразделениям университетов этих стран в борьбе за влияние на национальные правительства или наднациональные структуры Европейского Союза.

С другой стороны, рядом с отдельными университетскими «звездами»-экспертами трудится значительное количество ученых, которые жаждут большего влияния на политику посредством экспертной деятельности, но не имеют для этого финансовых ресурсов, уровня доступа к механизмам влияния и соответствующих стимулов. Даже престижные университеты, такие, как университет Фудань, сталкиваются со значительными проблемами финансирования. В большинстве случаев, университеты вынуждены самостоятельно изыскивать средства для проведения исследований собственных сотрудников, а в это время государственные или академические «мозговые центры» финансируются правительством напрямую. Китайских профессоров иногда привлекают к подготовке докладов по внешней политике для лиц принимающих решения, которые затем оцениваются по системе «экспертных оценок» (pishi). Результаты, какими бы хорошим они не были, не сказываются на повышении репутации ученого и не влияют на его продвижение по службе, тем самым не мотивируют университетских сотрудников тратить драгоценное время и научно-исследовательские ресурсы на политические и внешнеполитические доклады, в то время как их можно было затратить на подготовку публикаций для научных журналов. Правительство постепенно осознает, что система «экспертных оценок» имеет недостатки и минимизирует привлечение университетского экспертного сообщества, что позволяет прогнозировать в ближайшее время реформирование данной системы.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что изучение китайских «мозговых центров» позволяет открыть новые возможности исследований в сфере внешней политики и внешнеполитического процесса Китайской Народной Республики. До последнего времени исследователи полагали, что «мозговые центры» представляли собой исключительно чисто американский феномен, но, как показало исследование, «мозговые центры» заняли в последние годы более видное положение в политическом процессе Китая, чем можно было предположить. Способность китайских «мозговых центров» прямо или косвенно участвовать в формировании внешней политики и готовность китайских политиков, партийных функционеров обращаться к ним за советом приводят исследователей к выводу, что эти структуры начинают оказывать более сильное воздействие на формирование государственной политики, чем это было два или три десятилетия назад.

Как отмечает Дональд Эйбелсон, очень немногие исследователи, пытаясь измерить или оценить влияние «мозговых центров», внимательно рассматривают то, как достигается политическое влияние и какие разнообразные преграды приходится преодолевать [1]. По крайней мере, важно осознавать, что «мозговые центры» оказывают различные типы политического влияния на различных стадиях политического цик-

ла. Рост численности «мозговых центров» в Китае подводит нас к заключению о росте их влияния. Однако прежде чем прийти к такому выводу, исследователям надо будет уделять пристальное внимание тому, какой вклад внесли «мозговые центры» в конкретные внешнеполитические дебаты и следовали ли их советам политики, работающие в разных министерствах и ведомствах, что весьма трудно в практике закрытости китайской политической системы, в том числе, в процессе выработки внешней политики.

Многие ученые, западные дипломаты и политики все ещё недооценивают роль и потенциал китайских «мозговых центров». Мы попытались весьма кратко показать, что «мозговые центры» Китая стали более заметны и во многих отношениях становятся мало помалу важными участниками политического процесса. Исследование позволило нам углубить наши теоретические и эмпирические знания в весьма закрытой сфере взаимоотношений между экспертным сообществом Китая и политической властью. Для отечественных исследователей, наблюдателей ближе всего изучение формальных механизмов планирования и реализации внешнеполитического процесса, а изучение «мозговых центров», как неформальных институтов предоставляет нам новые перспективы понимания внешнеполитических инициатив и решений, а также толкают нас на размышления о происходящей в Китае интеллектуальной революции.

И все же тот факт, что «мозговые центры» так разрослись с 1949 г., скорее дает нам представление о культуре, обществе и политике Китая, чем о масштабах влияния, оказываемого этой разнородной совокупностью государственных, академических и частных «мозговых центров» на политическую среду и конкретные политические решения. Несомненно, «мозговые центры» Китая могут вносить и вносят свой ценный вклад в китайскую внешнюю и внутреннюю политику. Вопросы, на которые до сих пор пытаются ответить исследователи, относятся к тому, насколько сильно их воздействие и какими способами оно осуществляется. Ответы на эти и другие вопросы позволят получить дополнительные представления о роли и функциях этих организацией и об их месте во внешнеполитическом процессе Китая.

Литература

1. Эйбелсон Д. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: история вопроса [Электронный ресурс]. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> [Дата обращения 4.03.2007 г.].
2. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
3. Cabestan, Jean-Pierre, China's Foreign and Security Policy Decision-making Processes under Hu Jintao, Journal of Current Chinese Affairs, 3, 2009, p. 86.
4. Cheng, Li, China's New Think Tanks : Where Officials, Entrepreneurs, and Scholars Interact, China Leadership Monitor, № 29, 2009. p. 3.
5. Glaser, Bonnie S., Saunders, Phillip C., Chinese Civilian Foreign Policy Research Institutes : Evolving Roles and Increasing Influence, The China Quarterly, 2002, vol. 171, p. 604.

6. Haass R. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: a Policy-makers perspective. [Электронный ресурс]. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73haass.htm> [Дата обращения 1.03.2007 г.]
7. Lili Wang, The Brookings Institution (2008), Think Tank in China : Growing Influence and Political Limitations, Washington DC, 2008, p. 36 [Электронный ресурс]. URL. www.brookings.edu/~media/Files/events/2008/1023_china_think_tanks/20091023_china.pdf [Дата обращения: 15.01.2011]
8. Mc Gann. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> [Дата обращения 1.03.2007 г.]
9. Mc Gann, James G., The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2009, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2010. p.40 [Электронный ресурс]. URL. http://www.sas.upenn.edu/irp/documents/2009GlobalGoToReportThinkTankIndex_1.31.2010.02.01.pdf
10. The Chinese People's Institute of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL. <http://www.cpifa.org/en/s/toCpifaSurvey.do?channelId=5> [Дата обращения: 15.01.2011]
11. The China Institute of International Studies [Электронный ресурс]. URL. <http://www.ciis.org.cn/en/aboutus1.asp> [Дата обращения: 15.01.2011]
12. The China Foreign Affairs University [Электронный ресурс]. URL. <http://www.cfau.edu.cn/cfauEN/index.html> [Дата обращения: 15.01.2011]
13. The China Institute of Contemporary International Relations [Электронный ресурс]. URL. <http://www.cicir.ac.cn/english/infoView.aspx?cid=172> [Дата обращения: 15.01.2011]
14. The Chinese Academy of Social Sciences [Электронный ресурс]. URL. http://bic.cass.cn/english/InfoShow/Arcitle_Show_Cass.asp?BigClassID=1&Title=CASS [Дата обращения: 15.01.2011]
15. The Development Research Center of the State Council [Электронный ресурс]. URL. <http://www.drc.gov.cn/english/index.asp> [Дата обращения: 15.01.2011]
16. Institute of Asia-Pacific Studies [Электронный ресурс]. URL. <http://www.rsis-ntsasia.org/people/members/member-iaps.html> [Дата обращения: 15.01.2011]
17. The Policy Planning Department [Электронный ресурс]. URL. <http://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zjzg/zcyjs/>[Дата обращения: 15.01.2011]
18. The Shanghai Institute for International Studies [Электронный ресурс]. URL. http://www.siiis.org.cn/en/About_Siis.aspx [Дата обращения: 15.01.2011]
19. Zhang, Yuchen. Think tank scholar has more fresh ideas than old shoes, Global Times. August 10, 2009
20. Zhu Xuefeng, Lan Xue, Think tanks in Transitional China, Public administration and development, vol. 27, Issue 5, 2007. p. 454.